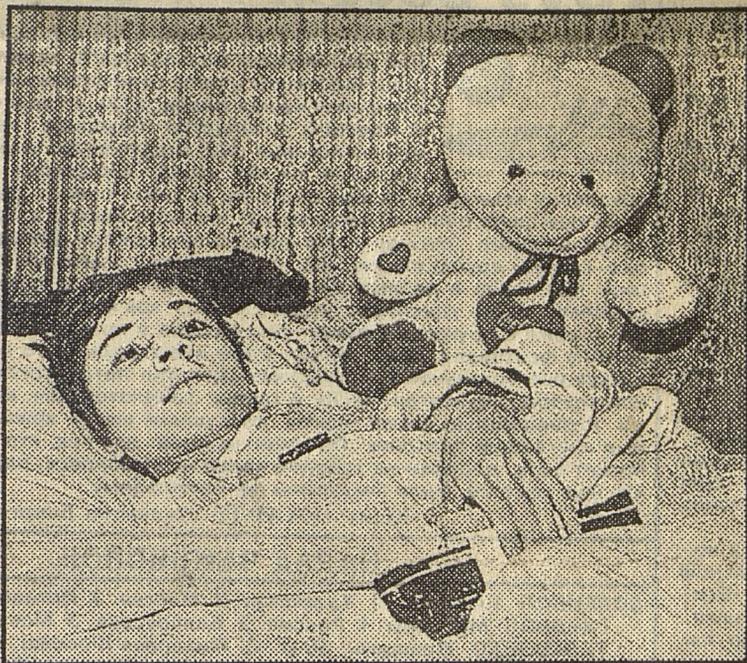

XXX

АДРЕСА МИЛОСЕРДИЯ

12 МАЙ 1993

А вы придете к нам еще?..

Этот день застыл в моей памяти—рыбья косточка, которую трудно проглотить. Какая-то трудносоединимая смесь—тепла и боли.

Стояла Пасхальная неделя. Шел дождь со снегом.

Лариса Ивановна Агеева, президент фирмы "Благодеяние", развозила подарки детям-инвалидам. Я ходила вместе с ней.

Семей, которые не отказались от своего больного ребенка и теперь пытаются спасти его в одиночку, у нас не так много. (Брошенных детей куда больше.) Списков таких семей в природе не существует. Отсюда можно сделать вывод—им никто никогда не помогал.

Списки составлялись с миру по нитке—нитка эта тянулась по несчастным нашим дворам, по молве, как по волне, время от времени—на гребне где-то—совпадая с неполными данными собесов и "слухами" из поликлиник. К Рождеству в доморощенных "реестрах" фонда значились 48 человек—таких, коим

требовалась поддержка немедленно.

Фонд собрал студентов из музыкального училища—талантливые ребята, занимающиеся фольклором, выткали спектакль—с потешками, деревянными ложками, шутками—расписное зрелище, как в старину на ярмарке.

Эти родители давно не слышали, как их дети смеются. Возможно, некоторые не умели смеяться и вовсе. А тут радость лилась рекой. То был "фестиваль фестивалей". Воспоминание, которое отныне хранится в шкатулке памяти, как НЗ для токсичных дней. Родители потихоньку плакали и, стесняясь своего вопроса, все же спрашивали: "А вы придете еще?"

Еще—получилось на Пасхальной неделе, когда крестные люди дарят друг другу подарки. Подарки, как и списки, добавлялись всем миром. Ни завалышего миллионера, ни Старика Хоттабыча в фонде, разумеется, нет. Что-то привезли голландцы, что-то дала

фирма Попова, что то по крупицам свалилось с неба

Я была в двух семьях. В одной—два мальчика, в другой—три девочки.

Мы сидели с Галиной Викторовой Ситенковой в ее чистой небогатой кухне и говорили о том, что вот если бы у Андрюши была коляска, удалось бы повезти детишек на лето в деревню, благо Илья, к счастью, ходит Пока. На буфете стояла маленькая иконка Божьей матери. Через нее проходил солнечный центр этой квартиры. Здесь никто не бился в истерику, никто ни на кого не сердился и никто никого не раздражал. Под ногами вился уютный рыжешный котенок, тоже ребенок,—намытый и спокойный. И я думала наверное, небо и вправду посылает этой женщине силы, потому что на Земле таких сил нет.

Собственное несовершенство шло мне на ум. А еще шло, что дети, по-видимому,—главное испытание, через которое родителям суждено пройти в этой жизни. Дети—свои и чужие, ибо родители мы сейчас все оттого, что брошенных детей становится больше, чем детей в семьях.

Везде в тот день показывали фотографии—обычные щекастые младенцы, с сосками—болезнь обрушилась на этих мальчиков и девочек внезапно, уже потом.

Бороться с бедой в одиночку чревато для души еще и потому, что душа может ожесточиться. Как ни странно здесь не было этого и в помине. Здесь еще сохранились благодарность и вера.

К вечеру я просто валилась с ног, а Лариса Ивановна все говорила: "Ну еще один ребенок, ну еще один..." Она уже помнит их всех: кому—коляску кому—массаж, кому—лекарства. И я не сомневаюсь—фонд "Благодеяние" достанет во что бы то ни стало. Иначе нельзя. Потому что мы—люди.

Татьяна КУДРЯВЦЕВА

Фото

Михаила РАЗУВАЕВА